

Дедушкины Истории

Eyforis Lurt

Eyforis Lurt

Дедушкины Истории

<https://litres.ru/74441244>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Волшебные путешествия» — сборник из 15 добрых сказок о дружбе и любви. Юные герои — светлячок, мышонок, черепашонок и другие — отправляются в удивительные миры, где учатся быть смелыми, нежными и заботливыми. В каждом путешествии они находят верных друзей и открывают главную истину: величайшая магия — это сила любви. Истории с позитивным финалом подарят тепло и веру в чудо.

Содержание

Луми и Страна Погасших Звёзд	4
Тилли и Хрустальный Лес	16
Бум и Планета Мягких Облаков	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Eyforis Lurt

Дедушкины Истории

Луми и Страна Погасших Звёзд

В самой глубине древнего леса, где вековые дубы переплетали свои ветви в плотный, почти непроницаемый купол, жил маленький светлячок по имени Луми. Он был совсем крошечным, его тельце едва достигало размера пшенично-го зернышка, а крылышки были такими тонкими и прозрачными, что казались сотканными из утренней дымки. Но самое удивительное в Луми было то, что он боялся темноты. Да, представьте себе — светлячок, чье единственное предназначение, казалось бы, состояло в том, чтобы светить, панически боялся того самого мрака, который он был призван разгонять. Каждую ночь, когда солнце опускалось за горизонт и лес окутывался мягкими сумерками, Луми чувствовал, как его крошечное сердечко начинало биться быстрее, а крылышки дрожали от подступающего ужаса. Он прятался в самом глубоком дупле старого дуба, сворачивался в комочек и старался не смотреть в чернеющие проемы между листьями, где, как ему казалось, притаились огромные, голодные тени. Его собственный свет — этот нежный, теплый огонек, что мерцал у него на кончике хвостика — казался

ему в такие моменты таким слабым, таким ничтожным по сравнению с бескрайним морем ночи, что Луми почти переставал верить в то, что он вообще способен что-то изменить. И вот, в одну из таких ночей, когда страх особенно сильно сжимал его крошечное сердце, случилось нечто невероятное. Небо, обычно усеянное мириадами ярких, холодных звезд, вдруг начало тускнеть. Сначала погасли самые дальние, едва заметные искорки. Затем начали меркнуть и более крупные светила. Луми, выглянувший из своего укрытия, чтобы хоть краем глаза увидеть привычные ориентиры, с ужасом наблюдал, как одна за другой звезды гаснут, словно кто-то невидимый задувал их, как свечи на праздничном торте. Прошло совсем немного времени, и небо стало абсолютно черным, пустым, лишенным даже намека на свет. Лес погрузился в такую густую, первобытную тьму, какой Луми не мог себе даже вообразить. Это была не просто ночь. Это была бездна. Тьма была настолько плотной, что, казалось, ее можно было потрогать, настолько тяжелой, что она давила на плечи, настолько абсолютной, что в ней растворялись все звуки, все запахи, все мысли. Луми почувствовал, как паника ледяной волной накрывает его с головой. Он задрожал всем телом, его огонек заметался, как испуганная птица в клетке, отчаянно пытаясь осветить хоть что-то, но тьма вокруг была такой огромной, такой всепоглощающей, что его слабое свечение казалось лишь крошечной точкой в бесконечном океане черноты. В этот момент отчаяния, когда Лу-

ми уже был готов снова спрятаться в своем дупле и никогда оттуда не выходить, он услышал тихий, дрожащий голосок. Он был таким слабым, таким испуганным, что Луми сначала даже не понял, откуда он доносится. Но затем, напряженно прислушавшись, он различил в непроглядной тьме чье-то прерывистое дыхание и тихий плач.

— Кто здесь? — прошептал Луми, и его собственный голос показался ему чужим и тонким в этой звенящей тишине.

— Это я, Пип, — ответил голосок, и Луми услышал, как кто-то маленький и пушистый осторожно пробирается сквозь траву в его сторону. — Я мышка. Я... я потерялась. И я так боюсь темноты!

Луми почувствовал, как что-то теплое и мягкое коснулось его лапки. Это был крошечный носик Пип. Она дрожала так же сильно, как и он сам. И в этот момент, когда два маленьких, испуганных существа оказались рядом, посреди огромного, черного, враждебного леса, что-то изменилось в сердце Луми. Он вдруг понял, что он не один. И что, возможно, его собственный страх — это не самое важное сейчас. Важнее было то, что рядом есть кто-то, кому еще страшнее, чем ему самому.

— Не бойся, Пип, — сказал Луми, и его голос, к его собственному удивлению, прозвучал чуть тверже. — Я с тобой. Я светлячок. Меня зовут Луми.

Он изо всех сил постарался разжечь свой огонек ярче. Это было трудно, потому что страх все еще сковывал его, но

мысль о том, что нужно поддержать Пип, придала ему сил. Его свечение стало чуть более заметным, и в его слабом свете Луми увидел маленькую, серую мышку с огромными, полными слез глазами. Она смотрела на него с такой надеждой, что у Луми перехватило дыхание.

— Ты светишься, — прошептала Пип, и в ее голосе слышалось первое, робкое облегчение. — Как звездочка.

Луми посмотрел наверх, на черное, пустое небо, и его охватила новая волна отчаяния. Звезды. Они погасли. Все до единой. Лес остался без света, без ориентиров, без надежды. И в этот момент Луми понял, что должен что-то сделать. Он не мог просто сидеть и ждать, пока тьма поглотит их окончательно. Он должен был найти способ вернуть свет.

— Пип, — сказал он, и в его голосе появилась решимость, которой он сам от себя не ожидал. — Звезды погасли. Все. И я думаю, я знаю, куда они делись. Они ушли в Страну Погасших Звезд. Я должен отправиться туда и вернуть их.

Пип испуганно пискнула и прижалась к нему еще сильнее.

— Но это так далеко! И там так темно! Разве можно туда идти? Разве мы сможем?

— Мы? — переспросил Луми, и в его сердце что-то дрогнуло.

— Я пойду с тобой, — твердо сказала Пип, хотя ее голос все еще дрожал. — Я боюсь темноты, но я боюсь остаться здесь одна еще больше. И потом... ты светишь. С тобой не так страшно.

И в этот момент Луми понял, что это правда. С Пип рядом его собственный страх отступил на второй план. Теперь у него была цель. И у него был друг. А это уже было немало.

И они отправились в путь. Двое крошечных существ, затерянных в огромном, черном, полном опасностей лесу. Луми летел впереди, изо всех сил разгоняя свой огонек, чтобы осветить дорогу. Пип семенила следом, прижимаясь к земле и вздрагивая от каждого шороха. Вокруг них простирался лес, который они знали с рождения, но теперь он казался чужим и враждебным. Знакомые тропинки превратились в опасные лабиринты, деревья, чьи ветви днем дарили тень и прохладу, теперь тянули к ним свои скрюченные, похожие на когти, лапы. Ветки хлестали их по лицам, корни подставляли подножки, а в непроглядной тьме то и дело слышались подозрительные шорохи и незнакомые звуки. Но они шли. Шаг за шагом. Взмах за взмахом. Луми вскоре заметил, что его огонек, который обычно был таким робким и непостоянным, начал светить ровнее и ярче. Сначала он не понял, в чем дело. Но потом до него дошло: это не он сам стал светить сильнее. Это тьма вокруг стала не такой абсолютной. Там, где проходил Луми, оставалась едва заметная, но все же светящаяся дорожка. Его свет отражался в капельках росы на траве, в гладких боках камней, в мокрых после недавнего дождя листьях. И этот слабый, отраженный свет помогал Пип видеть, куда она ступает. И помогало это не только ей. Луми и сам начал замечать, что там, где они проходили, тьма

словно бы немного отступала. Она не исчезала полностью, но становилась мягче, податливее. Это было удивительное открытие. Оказывается, даже его крошечный свет был способен на большее, чем он думал. Он мог не просто освещать путь ему самому, но и оставлять после себя след, который мог помочь другим.

— Луми, смотри! — вдруг воскликнула Пип, указывая лапкой в сторону. — Там что-то есть!

Луми посмотрел туда, куда она показывала, и увидел вдалеке, среди черных стволов деревьев, слабое, но отчетливое мерцание. Оно было не похоже на свет звезд. Оно было каким-то... живым, что ли. Теплым. Они осторожно двинулись в ту сторону и вскоре вышли на небольшую поляну. И то, что они там увидели, заставило их сердца замереть от восторга и трепета. Поляна была усеяна маленькими, пушистыми комочками, которые слабо светились изнутри. Это были... звезды. Но не те огромные, далекие небесные светила, которые они привыкли видеть. Это были маленькие, словно бы игрушечные, звездочки. Они лежали на земле, беспомощно и грустно, и их свет был тусклым, как угасающий уголек. Некоторые из них были совсем бледными, почти прозрачными. Другие слабо пульсировали, словно пытались что-то сказать, но не могли. Луми и Пип подошли ближе. Они увидели, что звездочки не просто лежат на земле. Они были живыми. У них были крошечные, едва различимые личики, и на этих личиках застыло выражение глубокой печали и безнадежно-

сти. Некоторые звездочки тихо всхлипывали, другие просто лежали, закрыв глаза, словно потеряли всякую надежду.

— Что с ними случилось? — прошептала Пип, и ее голос дрогнул от жалости.

Луми подлетел к самой большой из звездочек, которая лежала чуть в стороне от остальных. Ее свет был чуть ярче, чем у других, но в нем чувствовалась какая-то надломленность, словно она светила через силу.

— Кто вы? — тихо спросил Луми. — И почему вы здесь? Почему вы не на небе?

Звездочка медленно открыла глаза. Они были огромными и грустными.

— Мы потеряли веру, — прошептала она, и ее голос был похож на шелест сухой травы. — Мы больше не верим, что мы можем светить. Мы больше не верим, что мы кому-то нужны. Мы больше не верим в себя. И поэтому мы погасли. И упали сюда. В Страну Погасших Звезд.

— Но почему? — не понял Луми. — Вы же звезды! Вы такие красивые! Вы светите так ярко!

— Раньше светили, — вздохнула звездочка. — Но однажды мы посмотрели вниз, на землю, и увидели, как там темно. Мы увидели, как много существ боятся ночи, как много страданий и боли. И мы подумали: какой от нас толк? Мы так далеко, наш свет такой холодный, он никого не согревает. Мы не можем изменить то, что происходит внизу. Мы бесполезны. И как только мы в это поверили, наш свет начал

угасать. Сначала понемногу, потом все сильнее и сильнее. А потом мы просто упали. И теперь мы здесь. В темноте. Навсегда.

Луми слушал ее, и его сердце сжималось от сочувствия. Он посмотрел на Пип, которая стояла рядом, прижав лапки к груди, и по ее щекам текли слезы. Он посмотрел на другие звездочки, лежащие на земле, такие маленькие, такие беспомощные, такие грустные. И в этот момент он понял, что должен сделать. Он не мог вернуть их на небо силой. Он не мог заставить их светить. Но он мог сделать кое-что другое. Он мог показать им, что они не бесполезны. Он мог доказать им, что даже самый маленький свет имеет значение.

— Пип, — сказал он. — Ты помнишь колыбельную, которую пела тебе твоя мама?

Пип удивленно посмотрела на него, вытирая слезы.

— Помню, — кивнула она. — Но зачем?

— Спой ее, — попросил Луми. — Пожалуйста. Спой для них.

Пип сначала растерялась. Она не понимала, как пение может помочь. Но потом она посмотрела на Луми, увидела в его глазах такую уверенность, такую доброту, что просто не смогла отказать. Она глубоко вздохнула, набрала в грудь побольше воздуха и начала тихо, дрожащим от волнения голосом, петь. Она пела о маленьком сверчке, который жил в траве и пел свою песенку каждую ночь, даже когда ему было страшно. Она пела о том, что даже самый слабый голос мо-

жет быть услышан, если он идет от сердца. Она пела о том, что свет никогда не исчезает полностью, если кто-то продолжает в него верить.

Луми не остался в стороне. Он подхватил мелодию, и его тонкий, звенящий голосок слился с голосом Пип. Он пел о том, что тьма — это не отсутствие света, а всего лишь место, где свет еще не зажгли. Он пел о том, что даже маленький светлячок может осветить путь тому, кто потерялся. Он пел о том, что вера в себя — это самый яркий свет во вселенной.

И случилось чудо. Сначала одна звездочка, самая маленькая и самая слабая, приподняла голову. Она посмотрела на Луми и Пип своими огромными, полными слез глазами, и в этих глазах впервые за долгое время загорелась искорка. Искорка надежды. Потом вторая звездочка открыла глаза. Потом третья. Они слушали песню, которую пели им два маленьких, испуганных, но таких смелых существа. Они слышали в этой песне не просто слова и мелодию. Они слышали в ней доброту. Они слышали в ней веру. Они слышали в ней свет. И этот свет, этот маленький, теплый огонек доброты, зажженный Луми и Пип, начал проникать в их остывшие, потерявшие веру сердца. И их собственный свет, который, казалось, погас навсегда, начал медленно, робко, но все же возвращаться. Сначала он был совсем слабым, похожим на мерцание светлячка. Но с каждой секундой он становился все ярче и ярче. Сначала засветилась одна звездочка. Потом другая. Потом третья. Потом десятая. Потом сотая. По-

ляна, которая только что была окутана мраком, начала наполняться мягким, теплым светом. Светом, который шел от сердца. Звездочки поднимались с земли. Они больше не были грустными и беспомощными. Они снова стали звездами. Они снова поверили в себя. Они снова поняли, что они нужны. Они посмотрели на Луми и Пип, и в их глазах была такая благодарность, что Луми почувствовал, как что-то теплое и радостное поднимается в его груди.

— Спасибо, — прошептала самая большая звездочка, та, с которой они разговаривали в самом начале. Она уже не лежала на земле. Она парила в воздухе, и ее свет был ярким и чистым, как первый луч солнца. — Вы вернули нам веру. Вы показали нам, что даже самый маленький свет имеет значение.

И в этот момент звезды начали подниматься в небо. Одна за другой, они взмывали вверх, туда, где было их место. Туда, где они были нужны. И небо, которое еще недавно было черным и пустым, начало наполняться светом. Сначала зажглась одна звезда. Потом вторая. Потом третья. Потом десятая. Потом сотая. Потом тысячи. Сначала это были робкие, дрожащие искорки, но с каждой секундой их становилось все больше, и они светили все ярче и ярче. И вот уже все небо над лесом было усыпано яркими, веселыми звездами. Они светили так ярко, так радостно, что казалось, будто они смеются. Они смеялись от счастья. Они смеялись от того, что снова поверили в себя. Они смеялись от того, что

нашли в себе силы вернуться.

Луми и Пип стояли на поляне и смотрели на это чудо. Они смотрели, как звезды возвращаются на небо, как тьма отступает, как мир снова наполняется светом. И в этот момент Луми понял что-то очень важное. Он понял, что не так важно, насколько ты большой и сильный. Не так важно, насколько ярок твой собственный свет. Важно только одно: готов ли ты поделиться этим светом с другими. Готов ли ты зажечь свою искорку в сердце того, кто потерял свою. И тогда даже самый маленький свет может осветить целый мир. Луми посмотрел на Пип. Она больше не дрожала. Она стояла рядом с ним, и на ее мордочке была счастливая улыбка. И Луми понял, что теперь он больше не боится темноты. Потому что он знал: даже в самой глубокой тьме, если рядом есть друг, если в сердце живет доброта и вера, всегда можно зажечь свет. И этот свет будет сиять ярче всех звезд.

Они вернулись домой, в свой лес, который больше не казался им страшным. Ночь уже не пугала их. Они знали, что где-то там, наверху, светят звезды, которые они спасли. И они знали, что теперь у них есть история, которую они будут рассказывать своим детям, и детям своих детей. История о том, как маленький светлячок, который боялся темноты, и маленькая мышка, которая тоже боялась темноты, вместе отправились в опасное путешествие и вернули свет всему миру. История о том, что даже самый маленький свет может осветить целый мир, если он идет от сердца. И с тех

пор, каждую ночь, когда Луми зажигал свой огонек, он уже не прятался в дупле. Он вылетал на поляну, садился на самый высокий стебель травы и смотрел на небо. Он смотрел на звезды, которые когда-то были погасшими, а теперь сияли ярче прежнего. И он улыбался. Он знал, что где-то там, среди этих звезд, есть и его маленькая искорка. И он знал, что его свет, его доброта, его вера в себя — они навсегда останутся в этом мире, освещая путь тем, кто потерялся, согревая тех, кто замерз, и зажигая надежду в тех, кто потерял веру. Потому что даже маленький свет — это свет. А свет — это жизнь. И пока есть свет, есть надежда. И пока есть надежда, есть будущее. И Луми, маленький светлячок, который когда-то боялся темноты, теперь знал это лучше, чем кто-либо другой. Он знал, что он не просто светлячок. Он — хранитель света. И он будет хранить его всегда.

Тилли и Хрустальный Лес

В самом обыкновенном городе, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме жила девочка по имени Тилли. Была она ничем не примечательна: серые глаза, русые волосы, заплетённые в две тонкие косички, аккуратное платьице и туфельки, которые всегда блестели, потому что Тилли терпеть не могла грязи. Но было у неё одно качество, которое выделяло её среди всех остальных детей города: Тилли никогда не улыбалась. Вовсе не потому, что она была злой или несчастной. Вовсе не потому, что у неё не было причин для радости. Просто так получилось. С самого раннего детства, когда другие дети прыгали от восторга при виде воздушного шарика или смеялись до слёз, глядя на забавную мордочку щенка, Тилли лишь серьёзно смотрела на всё своими большими серыми глазами. Её лицо, хорошенькое и аккуратное, всегда оставалось спокойным, словно застывшим. Никто в городе не мог вспомнить, видел ли он хоть раз улыбку на губах Тилли. Мама Тилли, добрая и ласковая женщина, часто гладила её по голове и говорила: «Ничего, милая. Придёт время, и ты научишься радоваться». Папа Тилли, весёлый и шумный человек, пытался рассмешить её забавными историями и смешными гримасами, но всё было тщетно. Тилли смотрела на него серьёзно и говорила: «Спасибо, папа, это очень интересно». И папа сдавался. Учителя в школе

хвалили её за прилежание и усердие, но в их голосах слышалась лёгкая грусть. «Тилли — замечательная девочка, — говорили они. — Но она такая серьёзная. Как будто внутри неё спит что-то важное, и никак не может проснуться». Тилли и сама чувствовала, что внутри неё что-то спит. Какое-то тёплое, светлое чувство, которое она не могла понять. Иногда, глядя на закат или на первый снег, она ощущала, как что-то поднимается в её груди, подступает к горлу, просится наружу. Но каждый раз оно оставалось где-то там, глубоко внутри, так и не вырвавшись на свободу. Тилли не расстраивалась. Она принимала себя такой, какая есть. Но иногда, глубокой ночью, когда весь дом спал, она лежала в своей кровати, смотрела в потолок и думала: «А каково это — смеяться? Как это — чувствовать, что радость переполняет тебя и выплёскивается наружу?» Она не знала ответа. И это незнание было единственным, что огорчало её по-настоящему.

Однажды, гуляя в парке неподалёку от дома, Тилли заметила в траве что-то необычное. Это был маленький, прозрачный, словно бы стеклянный, цветок. Он был таким хрупким и красивым, что Тилли замерла, боясь даже дышать, чтобы не повредить его. Она осторожно опустилась на колени и протянула руку. В тот момент, когда её пальцы коснулись прохладных, словно бы ледяных лепестков, мир вокруг начал меняться. Сначала Тилли показалось, что воздух стал прозрачнее. Потом звуки вокруг начали стихать, словно кто-то повернул невидимую ручку громкости. Деревья в парке

начали терять свои листья, но не опадать, а словно бы растворяться в воздухе, превращаясь в тонкие, сверкающие нити. А потом всё вокруг начало меняться с такой скоростью, что Тилли даже не успела испугаться. Трава под её ногами стала прозрачной, словно сделанной из тончайшего стекла. Деревья, которые ещё мгновение назад были обычными дубами и клёнами, превратились в высокие, стройные, сверкающие кристаллы. Их ветви, унизанные листьями-подвесками, тихо звенели на ветру, издавая мелодичный, хрустальный звук. Тилли поднялась с колен и огляделась. Она стояла посреди леса, но это был не обычный лес. Всё вокруг — деревья, трава, цветы, кусты — было сделано из стекла. Тонкого, прозрачного, сверкающего, переливающегося всеми цветами радуги в лучах какого-то странного, неземного света. Это был Хрустальный Лес. Тилли слышала о нём в старых сказках, которые читала ей бабушка, но всегда думала, что это выдумка. А теперь она стояла посреди этого чуда, и её серые глаза широко раскрылись от изумления. Она медленно пошла вперёд, стараясь ступать как можно осторожнее, чтобы не разбить хрупкие стеклянные травинки. Вокруг неё всё звенело и переливалось. Каждый её шаг отдавался тихим, мелодичным эхом. Воздух был свежим и прохладным, словно после дождя. Тилли прошла ещё немного и вдруг остановилась. Прямо перед ней, на поляне, усеянной прозрачными, словно бы ледяными, цветами, стояли олени. Но это были не обычные олени. Они были сделаны из стекла. Их тон-

кие, изящные тела просвечивали насквозь, их рога сверкали, словно были выточены из чистейшего горного хрусталя. Их глаза, огромные и печальные, были похожи на две капли застывшей росы. Олени стояли неподвижно, опустив головы, и от них веяло такой глубокой, безысходной грустью, что у Тилли сжалось сердце. Она никогда не видела ничего более красивого и одновременно такого печального. Она подошла ближе. Олени не убежали. Они лишь медленно подняли головы и посмотрели на неё своими прозрачными, полными тоски глазами. Один из них, самый большой и величественный, с огромными, ветвистыми рогами, сделал шаг ей навстречу. Его копыта, сделанные из стекла, тихо звякнули о хрустальную траву. — Ты пришла, — сказал он, и его голос прозвучал как тихий, печальный звон колокольчика. — Мы ждали кого-то, кто сможет нас услышать. Тилли замерла. Она не ожидала, что стеклянные олени умеют говорить. Но в этом лесу, казалось, возможно было всё. — Кто вы? — спросила она, и её голос прозвучал в хрустальной тишине чуть громче, чем она хотела. — Мы — хранители Хрустального Леса, — ответил олень. — Мы живём здесь с незапамятных времён. Мы видели, как рождаются и умирают звёзды, как меняются миры, как приходят и уходят эпохи. Но мы никогда не слышали... смеха. Тилли нахмурилась. — Смеха? — переспросила она. — Да, — олень опустил голову. — Наш лес не умеет смеяться. Он умеет звенеть, переливаться, сверкать. Он умеет быть красивым. Но он не умеет быть

радостным. И мы, его хранители, тоже не умеем радоваться. Мы грустим. Мы грустим уже так долго, что забыли, каково это — чувствовать что-то другое. Тилли слушала его, и в её груди поднималось странное, незнакомое чувство. Ей было жаль этих красивых, но таких печальных созданий. Ей хотелось что-то сделать для них, как-то помочь. Но она не знала как. Она ведь сама никогда не улыбалась. Как она могла научить кого-то радости, если сама не знала, что это такое? — Мне жаль, — тихо сказала она. — Я бы хотела помочь, но... — Она замолчала, не зная, как объяснить. Олень посмотрел на неё своими прозрачными глазами, и в них мелькнуло что-то похожее на понимание. — Мы знаем, кто ты, — сказал он. — Мы знаем, что ты никогда не улыбалась. Мы чувствуем это. Но мы также чувствуем, что внутри тебя спит что-то большое и светлое. Что-то, что ждёт своего часа. И мы верим, что именно ты сможешь разбудить это. И нас. Тилли не знала, что ответить. Она стояла посреди хрустальной поляны, окружённая стеклянными оленями, и чувствовала, как что-то в её душе отзывается на их слова. Словно бы внутри неё действительно что-то шевельнулось. Что-то тёплое. Что-то живое. Олень снова заговорил. — Иди к Сердцу Леса, — сказал он. — Это огромный хрустальный цветок, который растёт в самом центре нашего леса. Он — источник нашей силы и нашей печали. Говорят, что если кто-то сможет заставить его засиять, то лес наполнится радостью. Но никто никогда не смог этого сделать. Может быть, ты сможешь. Тил-

ли кивнула. Она не знала, получится ли у неё. Она не знала, что её ждёт впереди. Но она чувствовала, что должна попробовать. Ради этих печальных, красивых созданий. Ради леса, который не умел смеяться. И, может быть, немного ради себя самой.

Она пошла вглубь леса, туда, куда указал ей олень. Тропинка, вымощенная прозрачными, словно бы ледяными, камешками, вела её мимо хрустальных деревьев, мимо стеклянных ручьёв, которые текли, тихо звеня, словно тысячи крошечных колокольчиков. Вокруг было так красиво, что захватывало дух. Но эта красота была холодной, словно бы застывшей. В ней не было жизни, не было тепла. Тилли шла и думала о том, что, возможно, она и есть такая же — красивая снаружи, но холодная и пустая внутри. Она не умела радоваться. Она не умела смеяться. Она была как этот хрустальный лес — прекрасная, но лишённая чего-то очень важного. И от этих мыслей ей стало грустно. Внезапно она услышала какой-то звук. Он был не похож на звон хрусталя. Это был тихий, мелодичный голосок, который напевал какую-то песенку. Тилли остановилась и прислушалась. Голос доносился из-за поворота тропинки. Она пошла быстрее и вскоре вышла на небольшую поляну, где увидела нечто удивительное. На поляне, среди стеклянных цветов, сидел мальчик. Но это был не обычный мальчик. Он тоже был сделан из стекла. Его тонкие, изящные руки, его прозрачное лицо, его светлые, словно бы из хрусталя, волосы — всё в нём было стек-

лянным. Но, в отличие от оленей, он не был печальным. Его глаза, огромные и голубые, как два кусочка неба, светились любопытством и радостью. Он сидел на корточках и что-то рассматривал в хрустальной траве. Услышав шаги Тилли, он поднял голову и посмотрел на неё. И улыбнулся. — Привет! — сказал он звонким, весёлым голосом. — Ты новенькая? Я тебя раньше не видел. Тилли растерялась. Она не привыкла, чтобы с ней так запросто заговаривали. Но этот мальчик был таким открытым и дружелюбным, что она невольно улыбнулась бы в ответ, если бы умела. — Меня зовут Тилли, — сказала она. — Я пришла из другого мира. Мальчик вскочил на ноги и подбежал к ней. Его движения были лёгкими и быстрыми, словно он был сделан не из стекла, а из воздуха. — А меня зовут Крош! — представился он. — Я живу здесь, в Хрустальном Лесу. Я — единственный, кто не грустит. Ну, почти единственный. Иногда мне тоже бывает грустно, но я стараюсь не унывать. Тилли посмотрела на него с удивлением. — Почему ты не грустишь? — спросила она. — Ведь все остальные жители леса такие печальные. Крош пожал плечами. Это движение было таким человеческим, что Тилли на мгновение забыла, что он сделан из стекла. — Не знаю, — сказал он. — Наверное, потому что я ещё маленький. Или потому что я очень хочу услышать настоящий смех. Ты знаешь, что такое смех? Тилли задумалась. — Это когда людям весело, — сказала она. — И они издают такие звуки... ха-ха-ха. — Ха-ха-ха, — повторил Крош, и его голос прозвучал

странно, словно он пробовал слово на вкус. — Это так интересно! Я никогда не слышал, как смеются. Я слышал, как звенит хрусталь, как поют стеклянные птицы, как шелестят стеклянные листья. Но смех... Это что-то совсем другое, да? — Да, — кивнула Тилли. — Совсем другое. Крош посмотрел на неё с таким любопытством, что Тилли стало немного не по себе. — А ты умеешь смеяться? — спросил он. Тилли опустила глаза. — Нет, — тихо сказала она. — Я никогда не смеялась. И никогда не улыбалась. Крош не расстроился. Он лишь кивнул, словно бы ожидал такого ответа. — Ничего, — сказал он. — Я тоже не умею. Но я очень хочу научиться. И я думаю, что мы сможем научиться вместе. Тилли подняла на него глаза. В его взгляде было столько тепла и надежды, что что-то в её груди снова шевельнулось. Это странное, тёплое чувство, которое она не могла понять. — Пойдём к Сердцу Леса, — сказал Крош, беря её за руку. Его стеклянные пальцы были прохладными, но в них чувствовалась какая-то странная, живая теплота. — Я покажу тебе дорогу. Может быть, там мы найдём то, что ищем. Тилли кивнула, и они пошли вместе. Двое детей — девочка из обычного мира, которая никогда не улыбалась, и стеклянный мальчик, который мечтал услышать смех. Они шли по хрустальным тропинкам, мимо сверкающих деревьев, мимо стеклянных ручьёв. Крош без умолку болтал, рассказывая Тилли о Хрустальном Лесе, о его обитателях, о его тайнах. Он рассказывал о стеклянных птицах, которые пели так красиво, что могли разбить серд-

це. О стеклянных бабочках, чьи крылья переливались всеми цветами радуги. О стеклянных цветах, которые распустились только раз в году, в самую тёмную ночь. Тилли слушала его и чувствовала, как что-то в ней начинает меняться. Она не могла понять, что именно, но это было что-то важное. Что-то, что ждало своего часа очень долго. Наконец они пришли. Сердце Леса оказалось именно таким, как описывал его олень. Огромный хрустальный цветок, высотой с дерево, рос в самом центре поляны. Его лепестки, прозрачные и сверкающие, были раскрыты, но внутри него не было света. Он был тёмным, словно погасший факел. Вокруг цветка стояли стеклянные олени. Они опустили головы и, казалось, молились. Тилли и Крош остановились на краю поляны и смотрели на это зрелище. Тилли чувствовала, как что-то сжимается в её груди. Этот цветок, такой красивый и такой печальный, был похож на неё саму. — Вот он, — прошептал Крош. — Сердце Леса. Говорят, что если кто-то сможет заставить его засиять, то лес наполнится радостью. Но никто не знает, как это сделать. Тилли смотрела на цветок и думала. Она думала о том, что радость — это не то, что можно вызвать силой. Это не то, что можно заставить. Радость — это то, что приходит само. Но как её призвать? Как заставить сердце засиять, если оно никогда не знало света? Она не знала ответа. И от этого ей стало ещё грустнее. Она опустилась на хрустальную траву и обхватила колени руками. Крош сел рядом с ней. — Ты грустишь? — спросил он. — Да, — ответила Тилли. — Я грущу.

Я не знаю, что делать. Я не умею радоваться. Я не умею смеяться. Как я могу заставить этот цветок засиять, если я сама такая же тёмная и пустая внутри? Крош посмотрел на неё. Его голубые глаза были полны сочувствия. — Ты не пустая, — сказал он. — Я чувствую это. Внутри тебя что-то есть. Что-то большое и светлое. Оно просто спит. Тилли покачала головой. — Я не знаю, — прошептала она. — Я не знаю, что там внутри. Я не знаю, что такое радость. Она замолчала и посмотрела на цветок. И в этот момент что-то произошло. Она вспомнила. Она вспомнила, как мама гладила её по голове и говорила: «Ничего, милая. Придёт время, и ты научишься радоваться». Она вспомнила, как папа смешил её, а она смотрела на него серьёзно и думала: «Как же он это делает?» Она вспомнила, как однажды, гуляя в парке, она увидела маленького щенка, который бегал за собственным хвостом. Это было так забавно, так нелепо, что что-то в её груди дрогнуло. Тогда она не поняла, что это было. Но теперь она знала. Это была радость. Она вспомнила, как однажды, глубокой ночью, она смотрела в окно на звёзды. И одна из них упала. Она загадала желание. И в этот момент что-то тёплое разлилось по её телу. Это было счастье. Она вспомнила, как однажды, в дождливый день, она сидела дома с чашкой какао и смотрела на капли, которые стекали по стеклу. И ей было так уютно, так спокойно, что она улыбнулась бы, если бы умела. Тогда она не улыбнулась. Но теперь, вспоминая это, она почувствовала, как что-то поднимается в её груди.

Что-то тёплое, светлое, живое. Оно поднималось всё выше и выше, подступало к горлу, просилось наружу. И Тилли вдруг поняла. Она поняла, что радость — это не что-то далёкое и недостижимое. Радость — это то, что уже есть внутри неё. Это мамина улыбка. Это папин смех. Это щенок, бегущий за хвостом. Это падающая звезда. Это чашка какао в дождливый день. Это всё то, что она чувствовала, но боялась показать. Это всё то, что спало внутри неё, ожидая своего часа. И теперь этот час пришёл. Тилли посмотрела на Кроша. Она посмотрела на его голубые глаза, на его прозрачное лицо, на его улыбку, такую открытую и добрую. И она почувствовала, как что-то в ней расцветает. Как что-то, что было заперто так долго, наконец вырывается на свободу. И она улыбнулась. Это была первая улыбка в её жизни. Она была робкой, неуверенной, словно первый луч солнца после долгой ночи. Но она была настоящей. Уголки её губ дрогнули и поднялись вверх. Её серые глаза засветились тёплым светом. И в этот момент всё изменилось. Хрустальный цветок, который стоял перед ними, начал светиться. Сначала слабо, словно бы нехотя. Но потом всё ярче и ярче. Его прозрачные лепестки начали переливаться всеми цветами радуги. От него исходило такое тепло, такая радость, что, казалось, сам воздух вокруг начал звенеть от счастья. И тогда Тилли засмеялась. Это был первый смех в её жизни. Он был звонким, как колокольчик, чистым, как горный ручей, радостным, как пение птиц на рассвете. Он вырвался из её груди и разлетелся

по всему лесу, отражаясь от хрустальных деревьев, от стеклянных цветов, от прозрачных ручьёв. И лес ответил. Сначала зазвенели хрустальные деревья. Их листья-подвески начали раскачиваться и издавать мелодичный, радостный звон. Потом стеклянные птицы, которые сидели на ветвях, начали петь. Их голоса, которые раньше были печальными, теперь звучали весело и задорно. Потом стеклянные бабочки, которые спали в своих хрустальных коконах, начали просыпаться. Они вылетали наружу и кружились в воздухе, переливаясь всеми цветами радуги. И стеклянные олени, которые стояли вокруг цветка, подняли головы. Их печальные глаза засветились радостью. Они смотрели на Тилли и Кроша, и на их прозрачных мордах появились улыбки. Впервые за тысячи лет. Лес наполнился смехом. Он звенел, переливался, сверкал. Он был живым. Он был радостным. Он был счастливым. Тилли стояла посреди этого чуда и смеялась. Она смеялась и не могла остановиться. Слёзы радости текли по её щекам, но она не вытирала их. Она смеялась, и это было самое прекрасное чувство в её жизни. Крош смотрел на неё. Его голубые глаза были полны слёз. Но это были слёзы счастья. — Ты смеёшься, — прошептал он. — Ты смеёшься! Я слышу это! Я слышу настоящий смех! Тилли посмотрела на него. Она всё ещё улыбалась, и её улыбка была такой тёплой, такой искренней, что Крош почувствовал, как что-то в его стеклянном сердце дрогнуло. — Да, — сказала она. — Я смеюсь. И знаешь что? Это так здорово! Это так... так... —

Она не могла найти слов. Но ей и не нужно было. Потому что Крош понял её без слов. Он засмеялся тоже. Сначала неуверенно, словно пробуя этот звук на вкус. Но потом всё громче и громче. Его смех был похож на звон хрустальных колокольчиков. Он был чистым и радостным. И он слился со смехом Тилли, и вместе они закружились в этом хрустальном лесу, наполняя его жизнью и счастьем. Сердце Леса сияло. Оно светило так ярко, что его свет был виден даже из самых дальних уголков Хрустального Леса. И этот свет согревал. Он согревал стеклянные деревья, стеклянных оленей, стеклянных птиц. Он согревал всё вокруг. Потому что радость — это тоже магия. Магия, которая согревает даже стекло.

Тилли и Крош провели в Хрустальном Лесу много времени. Они играли, смеялись, бегали по хрустальным тропинкам. Они познакомились со всеми обитателями леса — со стеклянными оленями, которые больше не были печальными, со стеклянными птицами, которые пели весёлые песни, со стеклянными бабочками, которые кружились в танце. И лес, который раньше был холодным и грустным, теперь стал тёплым и радостным. Тилли научила жителей леса смеяться. А они научили её радоваться. Она узнала, что радость — это не что-то далёкое и недостижимое. Радость — это то, что внутри тебя. Это то, что ты можешь найти в самых простых вещах. В улыбке друга. В лучах солнца. В звоне хрустальных колокольчиков. В смехе. И когда пришло время возвращаться домой, Тилли не грустила. Она знала, что всегда сможет

вернуться в Хрустальный Лес. Она знала, что всегда сможет найти там своих друзей. Она знала, что всегда сможет улыбнуться и засмеяться. Потому что теперь она умела. Она обняла Кроша на прощание. Его стеклянные руки были прохладными, но в них чувствовалась теплота. — Спасибо, — сказала она. — Спасибо за всё. Крош улыбнулся. — Это тебе спасибо, — сказал он. — Ты научила нас смеяться. Ты научила нас радоваться. Ты вернула нашему лесу жизнь. Тилли покачала головой. — Нет, — сказала она. — Это вы научили меня. Вы показали мне, что радость — это не что-то внешнее. Это то, что внутри меня. Это то, что я могу найти сама. Она улыбнулась ему на прощание. И это была самая тёплая, самая искренняя улыбка, которую когда-либо видел Хрустальный Лес. Потом она повернулась и пошла по тропинке, которая вела обратно в её мир. Она шла и чувствовала, как что-то в ней изменилось. Она больше не была той девочкой, которая никогда не улыбалась. Она была девочкой, которая умела радоваться. Девочкой, которая знала, что счастье — это не что-то далёкое. Это то, что всегда с тобой. Нужно только захотеть это увидеть.

Когда Тилли вернулась домой, мама и папа ждали её. Они бросились к ней, обняли её, спросили, где она была. Тилли посмотрела на них и улыбнулась. Это была её вторая улыбка. Но она была такой же тёплой и искренней, как и первая. — Мама, папа, — сказала она. — Я была в Хрустальном Лесу. И я научилась смеяться. Мама и папа посмотрели на неё с

изумлением. Они не могли поверить своим глазам. Их дочь, которая никогда не улыбалась, стояла перед ними и улыбалась. И её улыбка была такой красивой, такой светлой, что они сами невольно улыбнулись в ответ. — Милая, — прошептала мама, и слёзы радости потекли по её щекам. — Ты улыбаешься. Ты действительно улыбаешься. Тилли кивнула. — Да, — сказала она. — И я больше не буду грустить. Потому что я поняла, что радость — это тоже магия. Магия, которая согревает даже стекло. И она засмеялась. Её смех, звонкий и радостный, разлетелся по всему дому, наполняя его светом и теплом. И с этого дня Тилли больше никогда не переставала улыбаться. Она улыбалась, когда видела что-то красивое. Она улыбалась, когда ей было хорошо. Она улыбалась, когда ей было грустно. Потому что она знала, что даже в самые тёмные времена можно найти что-то, что заставит тебя улыбнуться. Она знала, что радость — это не что-то, что приходит извне. Это то, что живёт внутри тебя. Это то, что ты можешь найти в самых простых вещах. Это то, что ты можешь подарить другим. И она дарила. Она дарила свою улыбку всем, кого встречала. Она дарила свой смех всем, кто был рядом. Она дарила свою радость всему миру. И мир становился ярче. Мир становился теплее. Мир становился добрее. Потому что радость — это магия. Магия, которая согревает даже стекло. Магия, которая живёт в каждом из нас. Нужно только захотеть её найти. Нужно только захотеть улыбнуться. Нужно только захотеть засмеяться. И тогда всё изме-

нится. Тогда даже самый холодный, самый хрустальный лес наполнится смехом. Тогда даже самое печальное сердце засияет от счастья. Тогда даже самая обычная девочка станет волшебницей. Волшебницей, которая умеет дарить радость. Волшебницей, которая знает, что счастье — это не что-то далёкое. Это то, что всегда с тобой. Нужно только захотеть это увидеть. Нужно только захотеть улыбнуться. И тогда весь мир улыбнётся тебе в ответ.

Бум и Планета Мягких Облаков

В одном дремучем лесу, где высокие ели касались своими верхушками неба, а ручьи журчали так мелодично, что казалось, будто сама природа поёт колыбельную, жил-был медвежонок по имени Бум. Он был большим, косолапым и невероятно сильным. Его лапы были такими широкими, что могли обхватить ствол молодого дерева, а его объятия были такими крепкими, что даже самые крупные медведи кряхтели, когда он пытался их обнять. Но была у Бума одна беда: он был очень неуклюжим. Куда бы он ни шёл, что бы он ни делал, всё вокруг него ломалось, падало и разбивалось. Если он хотел сорвать ягодку малины, он вырывал весь куст с корнем. Если он хотел погладить бабочку, он случайно смахивал её крылышки. Если он хотел поиграть с друзьями, он нечаянно ломал их игрушки. Бум очень расстраивался из-за этого. Он не хотел быть неуклюжим. Он не хотел всё ломать. Он мечтал быть мягким, нежным, аккуратным. Но его тело, казалось, жило своей собственной жизнью. Оно было слишком большим, слишком сильным, слишком тяжёлым для этого мира, полного хрупких и нежных вещей. Каждое утро Бум просыпался с надеждой, что сегодня всё будет по-другому. Он давал себе обещание быть осторожным. Он старался ступать тихо, двигаться медленно, думать прежде, чем что-то делать. Но каждый день заканчивался одинаково: разбитой

посудой, сломанными ветками, испорченными игрушками и грустными лицами друзей. Дружья Бума, другие лесные зверята, любили его. Они знали, что у него доброе сердце. Они знали, что он не хотел ничего ломать. Но они также знали, что рядом с ним нужно быть начеку. Они прятали свои самые любимые вещи, когда он приходил в гости. Они старались не подходить к нему слишком близко, когда он играл. Они боялись, что и их он случайно сломает. Это было очень обидно для Бума. Он чувствовал себя чужим в этом лесу, среди этих маленьких, лёгких, изящных существ. Он чувствовал себя слишком большим, слишком неуклюжим, слишком неправильным. Однажды, после особенно неудачного дня, когда он случайно раздавил целое гнездо с птичьими яйцами, Бум ушёл в самую глубь леса. Он не хотел никого видеть. Он не хотел ничего слышать. Он хотел просто побыть один, подальше от всех этих хрупких вещей, которые он постоянно ломал. Он шёл и шёл, пока не забрёл в незнакомое место. Там, среди вековых деревьев, он увидел странное свечение. Оно было мягким, пушистым, словно бы сотканным из света и воздуха. Бум замер. Он никогда не видел ничего подобного. Свечение становилось всё ярче и ярче, и вскоре он понял, что это не просто свет. Это был портал. Портал в другой мир. Бум не знал, что делать. Он боялся. Но в то же время он чувствовал какое-то странное притяжение. Словно бы этот портал звал его. Словно бы там, за этой светящейся дымкой, его ждало что-то важное. Что-то, что могло изменить

его жизнь. Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. И ещё. И вот он уже стоял в самом центре свечения, и оно окутывало его со всех сторон, тёплое и мягкое, словно бы объятие матери. Бум закрыл глаза. Он почувствовал, как что-то поднимает его вверх, как земля уходит у него из-под ног, как он летит куда-то в неизвестность. Это было страшно и одновременно захватывающе. А потом всё стихло. Бум открыл глаза и ахнул.

Он стоял на облаке. На самом настоящем облаке. Оно было мягким, пушистым, словно бы состоящим из сахарной ваты. Оно было таким лёгким, что Бум почти не чувствовал под собой опоры. Он посмотрел вокруг и не поверил своим глазам. Он находился в удивительном мире. Всё вокруг было сделано из облаков. Облачные деревья, облачные цветы, облачные ручьи, которые текли, тихо журча, словно бы переливаясь через край. Воздух был таким лёгким, таким чистым, таким сладким, что Бум невольно зажмурился от удовольствия. Он никогда не чувствовал себя так хорошо. Здесь не было тяжести. Здесь не было грубости. Здесь всё было мягким, невесомым, нежным. Бум сделал осторожный шаг вперёд. Облако под его лапами мягко прогнулось, но не сломалось. Он сделал ещё один шаг. И ещё. И с каждым шагом он чувствовал, как что-то в нём меняется. Тяжесть, которая всегда давила на его плечи, начала уходить. Неуклюжесть, которая всегда мешала ему, начала отступать. Он чувствовал себя легче, свободнее, счастливее. Он шёл по облачным

тропинкам, и облака под его лапами не ломались. Они лишь мягко прогибались, а потом снова принимали свою форму. Это было удивительно. Бум никогда не думал, что он может быть таким. Он никогда не думал, что он может не ломать вещи. Он никогда не думал, что он может быть нежным. Он шёл и шёл, пока не вышел на большую облачную поляну. И там он увидел её. Облачную девочку. Она сидела на облачном цветке и плела венок из облачных лепестков. Она была такой лёгкой, такой воздушной, такой прозрачной, что Бум сначала даже не понял, что она живая. Он подумал, что это ещё одно облако, принявшее форму девочки. Но потом она подняла голову, и он увидел её глаза. Они были огромными и голубыми, как небо в ясный день. Они были полны любопытства и... страха. Девочка смотрела на него, и в её взгляде было что-то такое, что заставило сердце Бума сжаться. Это был страх. Настоящий, неподдельный страх. Она боялась его. — Привет, — сказал Бум, и его голос прозвучал в облачной тишине чуть громче, чем он хотел. Девочка вздрогнула и прижала к себе венок, словно бы он мог защитить её. — Ты кто? — спросила она, и её голосок был тихим, дрожащим, словно бы она боялась, что даже звук её голоса может что-то сломать. — Я Бум, — сказал медвежонок, стараясь говорить как можно мягче. — Я медвежонок. Я пришёл из другого мира. Я не хочу тебя обидеть. Девочка посмотрела на него с недоверием. — Ты такой большой, — прошептала она. — И такой... тяжёлый. Я боюсь, что ты меня сломаешь. Бум почув-

ствовал, как что-то сжалось в его груди. Он знал этот страх. Он видел его в глазах своих друзей. Он чувствовал его каждый раз, когда кто-то отстранялся от него. Но здесь, в этом мире, где всё было таким мягким и нежным, этот страх был особенно острым. — Я не хочу тебя ломать, — сказал Бум, и его голос дрогнул. — Я никогда не хочу ничего ломать. Но я такой неуклюжий. Я всё время всё ломаю. Я не знаю, как быть другим. Девочка посмотрела на него, и в её глазах что-то изменилось. Страх начал уступать место чему-то другому. Чему-то похожему на понимание. — Меня зовут Пуша, — сказала она. — Я живу здесь, на Планете Мягких Облаков. Я никогда не видела никого, кто был бы сделан не из облаков. Ты... ты другой. Бум кивнул. — Да, — сказал он. — Я другой. Я тяжёлый. Я неуклюжий. Я ломаю вещи. Пуша опустила глаза. Она посмотрела на свой венок, на облачные лепестки, которые были такими хрупкими, такими нежными. — Я тоже боюсь, — сказала она тихо. — Я боюсь, что меня сломают. Я боюсь, что кто-то придёт и раздавит меня. Я боюсь, что я исчезну. Бум посмотрел на неё, и его сердце сжалось от сочувствия. Он понял, что они похожи. Они оба боялись. Они оба чувствовали себя хрупкими и незащищёнными. Они оба хотели быть в безопасности. — Я не сломаю тебя, — сказал Бум, и в его голосе была такая решимость, что Пуша подняла на него глаза. — Я обещаю. Я буду очень осторожным. Я буду очень нежным. Я не хочу, чтобы ты боялась. Пуша смотрела на него долго, внимательно. Она смот-

рела на его большие лапы, на его косолапую походку, на его добрые глаза. И что-то в её взгляде изменилось. — Хорошо, — сказала она наконец. — Я верю тебе. И она улыбнулась. Это была первая улыбка, которую Бум увидел на этой планете. И она была прекрасна.

С этого дня Бум и Пуша стали друзьями. Они проводили вместе всё время. Бум учился быть осторожным. Он старался ступать как можно тише, двигаться как можно медленнее, думать прежде, чем что-то делать. Это было трудно. Его тело привыкло к другому. Его лапы привыкли хватать, ломать, разрушать. Но он старался. Он старался изо всех сил. Пуша помогала ему. Она показывала ему, как нужно обращаться с облачными вещами. Она учила его быть нежным. Она говорила ему: «Представь, что ты держишь в лапах бабочку. Ты не хочешь её раздавить. Ты хочешь, чтобы она жила. Ты хочешь, чтобы она летала. Ты хочешь, чтобы она была счастлива». Бум слушал её и старался. Он представлял, что всё вокруг — это бабочки. Облачные цветы, облачные деревья, облачные ручьи. И он старался быть осторожным. Иногда у него получалось. Иногда нет. Иногда он всё ещё что-то ломал. Но с каждым днём он становился лучше. С каждым днём он становился нежнее. Пуша видела это. Она видела, как он старается. Она видела, как он меняется. И она начала ему доверять. Она начала подходить к нему ближе. Она начала играть с ним. Она начала смеяться. Бум чувствовал, как что-то в нём меняется. Тяжесть, которая все-

гда давила на его плечи, начала уходить. Неуклюжесть, которая всегда мешала ему, начала отступать. Он чувствовал себя легче, свободнее, счастливее. Он чувствовал себя... нежным. Однажды они играли на облачной поляне. Они строили облачные замки. Бум старался быть очень осторожным. Он брал облачные блоки своими большими лапами и аккуратно ставил их друг на друга. Пуша помогала ему. Она подавала ему облачные украшения и показывала, куда их лучше прикрепить. Они строили и смеялись. Это было так весело, так радостно, так... легко. И вдруг случилось то, чего никто не ожидал. Пуша стояла на краю облака и пыталась прикрепить к башне замка облачную звезду. Она тянулась вверх, тянулась изо всех сил, и вдруг потеряла равновесие. Она пошатнулась. Она взмахнула руками. И она упала. Она падала с облака, вниз, в пустоту, которая простиралась под ними. Бум замер. Его сердце остановилось. Он смотрел, как его подруга падает, и не мог пошевелиться. Всё вокруг словно бы замедлилось. Он видел, как облака под ней прогибаются, словно бы пытаясь её поймать. Он видел, как её глаза расширяются от страха. Он видел, как её руки тянутся к нему. И тогда он прыгнул. Он прыгнул так, как никогда в жизни не прыгал. Он прыгнул, не думая о том, что он неуклюжий. Он прыгнул, не думая о том, что он тяжёлый. Он прыгнул, не думая о том, что он может что-то сломать. Он просто прыгнул. И он поймал её. Его большие лапы, которые всегда всё ломали, которые всегда были такими неуклюжими, которые всегда при-

носили только проблемы, — эти лапы поймали Пушу. Они поймали её бережно, нежно, аккуратно. Они поймали её так, как будто она была самой хрупкой вещью в мире. Они поймали её так, как будто она была бабочкой. И они не сломали её. Они не сломали ни облачка. Они просто держали её, крепко и нежно, и Бум смотрел на неё своими добрыми глазами, и в этих глазах было столько любви, столько заботы, столько нежности, что Пуша почувствовала, как страх уходит. Она больше не боялась. Она чувствовала себя в безопасности. Она чувствовала себя защищённой. Она чувствовала себя любимой. — Ты поймал меня, — прошептала она. — Ты поймал меня. И не сломал. Бум посмотрел на неё, и на его морде появилась широкая, счастливая улыбка. — Да, — сказал он. — Я поймал тебя. Я поймал тебя, и не сломал. Я не сломал ни облачка. Он посмотрел на свои лапы. Они всё ещё держали Пушу. Они были большими, сильными, неуклюжими. Но они были нежными. Они были бережными. Они были любящими. И в этот момент Бум понял что-то очень важное. Он понял, что сила — не в грубости. Сила — в умении быть бережным. Сила — в умении быть нежным. Сила — в умении любить. Он опустил Пушу на облако. Она стояла перед ним, целая и невредимая. Она смотрела на него, и её глаза были полны слёз. Но это были слёзы счастья. — Спасибо, — сказала она. — Спасибо, что поймал меня. Спасибо, что не сломал. Спасибо, что ты такой, какой ты есть. Бум обнял её. Осторожно, нежно, бережно. Он обнял её так,

как будто она была самой драгоценной вещью в мире. И она не сломалась. Она просто прижалась к нему, и они стояли так долго, чувствуя тепло друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.